

УД УДК 101.1

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-611-616

ВЛАСТЬ И ПОСЛУШАНИЕ В ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ**POWER AND OBEDIENCE IN CHRISTIAN ANTHROPOLOGY****М.В. Ковалева, А.А. Телегин****M.V. Kovaleva, A.A. Telegin**Курский государственный университет,
Россия, 305000, г. Курск, у. Радищева, 33Kursk state University,
Russia, 33 Radishcheva St, Kursk, 305000, Russia

E-mail: kmv-46@yandex.ru; taa78@mail.ru

Аннотация

Распространенный психологический, юридический анализ феномена власти слишком доверчив к здравому смыслу, мало восприимчив к исторической конкретике, религиозному опыту человечества. Эти аспекты менее всего схватывают бытие власти, они становятся вполне корректными только тогда, когда дополняются философским, богословским аспектами. В данной статье предпринята попытка построения одной из проекций власти. В ней подчеркивается, что власть проявляется в наибольшей для нее полноте, когда она не есть только власть, что в человеческом мире для властвования нет никаких имманентных оснований, что власть позитивна в своей основе лишь при условии, что начинается она с послушания.

Abstract

Common psychological, legal analysis of the phenomenon of power too trusting to common sense, a little sensitive to the historical specifics, the logic of speculation, religious experience of mankind. These aspects are less likely to grasp the Genesis of power they become quite correct only when supplemented by philosophical, theological aspects. Only this approach allows us to answer one of the main issues of the third Millennium: what is the power for good or evil, the most important civilizational achievement, or the expression of a persistent aggressive human nature? Considering that the field of power can be extremely small and extremely large, in this article attempt to build one of the projections of power. It stresses that power is evident in the greatest for her fullness when she does not only have power when not power case begin and it ends up that in the human world for ruling there is no inherent reason that the government is positive in its basis only on the condition that it begins with the obedience of that one man truly dominates over the other only getting to his reign sacred sanction.

Ключевые слова: власть, феноменология власти, философия власти, русская религиозная философия, послушание, христианская антропология, культура, духовные ценности.

Keywords: power, the phenomenology of power, the power of philosophy, Russian religious philosophy, the obedience of a Christian anthropology, culture and spiritual value.

Уже не первый век (даже в обыденных представлениях) за властью тянется шлейф тайны, в ней неизменно усматривается нечто сверхестественное, сверхчеловеческое. С этой реальностью нельзя не считаться, её присутствие самоочевидно, она сама проявляет себя (приходит, свершается, обрушивается на человека), действуя эффективно и необратимо. Она, как правило, видится через призму силы и насилия (зло, которое можно и нужно минимизировать), выражает борьбу ценностных ориентиров, волю и честолюбий. В современной философии власти проявляются самые разные интенции: сакральная и безбожная, мистическая и рационалистическая, тоталитарная и анархическая, этатистская

и либеральная, традиционалистская и новационная, европоцентристская и почвенническая, догматическая и еретическая, созидательная и разрушительная. Но в каждой из этих интенций сохраняется ощущение непрозрачности и неприступности власти. Вот почему сегодня как никогда необходимо увидеть во власти ее подлинное предназначение, позитивные контуры, а не отчужденные и извращенные формы отправления.

При обращении к образам и персонификациям власти, так или иначе, обнаруживается их связь с такими реалиями, которые властью не являются и даже не всегда непосредственно с нею связаны. На этом уровне власть не то чтобы исчезает, но обнаруживает себя моментом более значимого целого. Тот или иной властитель мог сколько угодно волевать власти, но самоцелью она была в редчайших случаях. Тем более покорность подвластного: не в покорности как таковой видел он смысл своего жизненного пути. Для него она была в лучшем случае средством. Вторичность и производность власти от более фундаментальных реалий обнаруживается на самом различном материале, но наиболее рельефно прорисовывается в таких реалиях, как послушание.

Послушание – хорошо знакомое христианской антропологии властное отношение, но воспринимающееся многими как чуждая современности антропологическая реальность. В значительной мере это связано с тем, что в ставших привычными в пылу борьбы с тоталитарными деформациями стереотипах восприятия послушание сводилось к различным формам подавления, насилия, мотивированным непритязательностью самоуменьшению, самоотрицанию, самоограничению человека. Но и с поправкой на полнокровное бытийствование послушание как форма подвластности рассматривается в двойной (как минимум) перспективе.

В западной традиции послушание виделось, прежде всего, как некое преддверие подвластности и готовности к ней, некая неспособность повелевать самому и вынужденность подчинения. С позиций же восточной традиции, исихастской антропологии, вошедшей в основу русской религиозности и культуры, оно рассматривалось как исходный импульс властных отношений и бытийное ядро всякой власти, Божеской или человеческой, позволяющий достигать предела человеческих возможностей и реализации свободы. Не претендуя на всестороннее рассмотрение различных проекций послушания, обратим внимание на то, что в них можно обнаружить немало сходных смысловых акцентов. Можно указать, например, на ту линию, которую начинают стойки и продолжают И.Г. Фихте и М. Хайдеггер. Послушание у стойков – повинующееся благоговение, становящееся едва ли не надрывно-патетическим самоотверженным повиновением тому, кто никак себя не открывает. Фихте (сочинения которого входили в число книг, обнаруженных в келье Феофана Затворника после кончины) философски конструирует послабление этому беспощадному ригоризму. Повиновение у него уже не означает полной слитности и растворенности, предполагающей радикальное устранение человека с его самосознанием.

По М. Хайдеггеру, в ответ на послушание и повиновение бытие приближает к себе человека (власть наигравшегося с властвованием и выявившего невозможность собственной воли к власти). В благоговейном послушании бытию сущее-человек осуществляет себя без всякого надрыва, дает бытию место в себе. Послушный, по Хайдеггеру, властвует над властелином из своего покорствования. Но даже в этом благоговейном послушании бытию как взаимной уступчивости послушаний и покорствований, дающем несравненно большую полноту, чем собственное присутствие, сохраняется пафос дистанции и онтологизация самого послушания.

Не отменяя отмечавшегося В.Н. Лосским, С.С. Хоружим сходства между «европейским отходным» движением, в частности, фундаментальной онтологией М. Хайдеггера и богословием Г. Паламы, обратим внимание и на несовпадение некоторых акцентов. Сфера духовной практики, православная аскетика, веками отработавшая христианский взгляд на человека и пути его реализации, в рассмотрении послушания делала акцент не на повелевании (или покорности), а на Повелевающем и отношении к Нему, основанном на нежелании оскорбить Того, Кого любишь и жажде уподобления Ему.

В этой традиции послушание раскрывается не просто в контексте тяготения к конкретности и феноменологизму. Оно вплетено в человеческий опыт, понимается, прежде всего, в смысле феноменологии как опыта пережитого, основанного на душевном и духовном созвучии властвующего и подвластного. Это, прежде всего, дар слушания всем существом и открытым сердцем, благоговейное созерцание духовной тайны другой личности. Оно уже не преддверие подвластности, а бытийственное ядро власти, так как завершается и властвованием послушествующего (не являясь его целью).

«Подвиг послушания» (Иоанн Лествичник), «Меч послушания» (Феодор Эдесский), «Камень послушания» (Симеон Новый Богослов) выражают в этой традиции и подвластность санкционировавшему властвованию, и собственное властное решение подвластного. Указанные акценты проявились в разных формах. Во-первых, в феномене православного монашества, по выражению В. Розанова, давшего христианству «крылья, поэзию, полет, свободу и философию». Второй вариант связан со старчеством как уникальным духовным руководством. И в-третьих, это синтетический жанр аскетического дискурса – «пособия-окормления».

Монашество как своеобразная философия христианства и, по выражению Феофана Затворника, жизнь «страстоистребительная, сердце очистительная» [Святитель Феофан Затворник, 2003] пропитано принципом послушания христианина Богу. В нем подчеркивается, что характер власти в человеческом мире задается не в самом этом мире, поскольку в нем нет, и не может быть никаких бытийственных имманентных оснований для властвования одних людей над другими. Этот принцип не исключает свободы. Напротив, только послушествуя Богу, человек способен состояться в своей бытийственности, по-настоящему преодолеть насилие над собой и реализовать свою свободу, найти самого себя. Ведь самоосуществление человеческого «Я» невозможно без момента самоподчинения и выхода из самотождественности во внешний мир. Чтобы реализующий это самопринуждение выбор не стал голым насилием человека над собой, он должен замыкаться на реальность, исключаящую произвол. Послушествуя такой реальности, человек сохраняет свою свободу, поскольку Бог выбирается. По-настоящему соединить человека с Богом может только свобода. Сохраняющийся же в этом выборе момент насилия снимается тем, что обретающий Бога человек обретает и самого себя в недостижимой собственными усилиями полноте, отрицает в себе перспективу смерти и небытия. Импульс повеления неизбежно вытекает из того выбора, который порождает импульс послушания.

Послушание в христианской аскетике рассматривается в оппозиции, во-первых, к своеволию, во-вторых, к внешнему (формальному) подчинению и, в-третьих, к повиновению. Монашеский путь начинается с отказа от своеволия-установки на попустительство себе, открывающей дорогу страстям. Этот отказ и означает послушание – «гроб воли и воскрешение смирения» (Св. Иоанн Лествичник). Вместе с тем, христианская аскетическая литература настаивает на Богоданной свободе воли у твари. Примирить оба аспекта помогает введенное преп. Максимом различие «природной» и «выбирающей» волю у человека. Своеволие – деятельность последней и, избирая послушание, человек вовсе не впадает в безволие, но, напротив, может свободно и полно осуществлять волю природную, влекущую к Богу. От формального (внешнего) подчинения послушание отличается тем, что оно основано на личном отношении, на совершенном знании того, кто проявляет послушание. Тесно ассоциирующееся с послушанием повинование имеет не просто психологическую, а христоцентрическую природу, оно нуждается в посредствующей воле того, кто в подвиге выше и искущённее («старцу», «духовному отцу», по древней монастырской терминологии). Дисциплина отсечения своей воли нередко воспитуется резкими или парадоксальными средствами, приближающимися к стилистике дзена, яркие примеры которых излюблены в монашеской литературе [Франк, 1990].

То, что послушание не только не исключает свободу, но и позволяет достичь предела человеческих возможностей во всей силе проявилось в старчестве как уникальном духовном руководстве. Этот предел достигается тогда, когда послушание Богу выступает

для человека реальностью неотъемленного от собственного «Я», когда он не накладывает на себя послушание, а осуществляет его как свою собственную активность «трепещущим сердцем» (Ефрем Сирий). У старцев-подвижников поражал современников больше всего некий «расцвет души» (С.Л. Франк), некая благодатная способность «усвоения своему сердцу» каждого ближнего, сообщение ему своей собственной жизни и присущих ей свыше сил. Обаяние любящей души Оптинских старцев, например, признавали даже скептики и почти враги православного монашества. «У отца Амвросия почти только шутки, прибаутки...», – восхищенно заметил В. Розанов.

Не менее ярко многие черты послушания, искомые современностью и нужные ей, содержащиеся в стихии православной мистики и аскетике, выражены в творениях двух святителей – Тихона Задонского и Феофана Затворника. Известно, как много значило в жизни святителя Феофана все связанное с личностью Тихона Задонского. Они оба успели ощутить тяжесть и горечь власти, возглавляя крупнейшие епархии России, оба сумели уйти от ее соблазнов, посвятив немало сил осмыслению ее тайн в уединении, оба щедро делились этими тайнами в многочисленных творениях, которые и в XXI веке могут рассматриваться как практические пособия в деле христианского спасения. Интересен и еще один штрих, объединяющий пособия-окормления двух замечательных духовно аскетических писателей – взгляд на властные аспекты послушания как бы на стыке богословского и философского измерений. Св. Тихон, читавший, будучи иеромонахом, лекции по философии в семинарии, сожалел о том, что многие «изрядно в естественных речах философствуют, но христианского алфавита не знают». Он призывал учиться евангельской христианской философии истинной мудрости. Будущий святитель Феофан проявлял особый интерес к философии в годы обучения в семинарии и академии. И хотя он оставил, будучи профессором Петербургской духовной академии, философско-умозрительные методы работы и немало поиронизировал над философией и философами, в его келейной библиотеке философской литературе всегда находилось место.

Святитель Тихон во всех своих трудах неизменно подчеркивает первичность послушания Богу, называя его признаком веры и истинного почитания Бога, мерилем, указывающим истинных и ложных христиан: «Истинная бо и нелицемерная работа не может быть без послушания» [Схиархимандрит Иоанн Маслов, 2000]. Он приводит примеры послушания Авраама, апостолов, Спасителя, называя послушание уподоблением Христу. Подчеркивается, что без послушания Богу ничего не угодно, и никакой дар не приносит пользы, что оно есть долг, и награды за него нет. Первичность послушания Богу рассматривается в творениях Тихона Задонского в двух проекциях. Первая связана с ситуацией властвования одного человека над другим. Позитивно состояться в этом случае властвование может только при условии послушания Богу и властителю, и подвластным: «Угождают люди властям и начальникам своим. Бог есть Властитель и Начальник наш Верховный, власть и начальство Которого вечное» [Св. Тихон Задонский, 2003]. Еще более очевидна первичность послушания в отношениях человека и Бога, как это уже отмечалось. В творениях святителя Тихона указываются признаки послушания (искание совета у людей, живущих по Богу, удаление от соблазнительных бесед, молчание, усердная молитва, тщательное изучение слова Божьего) [Схиархимандрит Иоанн Маслов, 2000].

Среди черт истинного послушания подчеркиваются способность «не повеления, но Повелевающего рассуждать силу и власть», сердечная покаянность, долг слушать своих пастырей. В труде «Сокровище духовное, от мира собираемое», завещанном нам святителем Тихоном Задонским, приводятся многочисленные образы властвующих и подвластных, послушествующих и отступающих от этого пути. Сам автор никогда не остается пассивным наблюдателем, он зовет, останавливает, предупреждает, огорчается спрашивает. Вот названия только некоторых глав: «Вернись! Не туда пошел», «Не касайся этого! Здесь яд», «Высокое дерево посреди низкого леса», «И мы туда пойдём», «Отец твой тебя давно ждет. Не медли!», «Чей ты?». Очевидно, что перед нами не просто подвластность санкционированному властвованию Богу, но и собственное властное решение подвластного (как

автора, так и его читателя). Только в этом случае возможен путь как «вниз», к власти в ее аспектах господства подчинения и даже рабства, так и «наверх», туда, где послушание преобразуется в реальность служения. В творениях св. Тихона Задонского оба вектора прорисовываются почти на равных. В пособиях-окормлениях св. Феофана, особенно в его переписке, послушание рассматривается, прежде всего, как путь «наверх» – туда, где исчезают непродуктивные рамки властных отношений, и где послушание преобразуется в реальность любви. Такая реальность (как и всем хорошо знакомая власть) есть преодоление, преодоление всякого рода вторжения нелюбви в любовь без какого-либо пафоса. «Сердцем распорядиться никто не властен. Оно живет особой жизнью. Само по себе радуется, само по себе печалиться. И тут с ним ничего не поделаешь. Только Владыка всяческих, все содержащий в деснице своей, властен входить в него...» – читаем в наследии святого архипастыря [Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника, 1994]. Святоотеческие взгляды на послушание не просто были приняты святителем Феофаном. Они всецело проникли в его душу, растворились в нем, в его собственном духовном движении. Это позволило ему заговорить с людьми неповторимым стилем, поражающим глубиной верой и искренностью, духовной красотой и силой. Достаточно напомнить несколько фраз встречающихся в обращениях к читателю: «Попаситесь!», «Припомните», «Берегитесь же!», «Не робейте», «Спросите: да как же это как?», «Держитесь твердо». У епископа Феофана почти нет трудов, специально посвященных принципу послушания (в «Симфонии» по его творениям, составленной архимандритом Георгием, он не выделяется особо). Но во всем наследии святого архипастыря этому принципу постоянно уделяется внимание. В важнейшей из его переводных работ – «Добротолубии» – содержатся яркие образцы содержания учителей христианского аскетизма. В письмах он рассматривает послушание как лучший путь к смирению: «Лучший или единственный верный путь к смирению есть *послушание и отречение от своей воли*. Без сего можно развить в себе сатанинскую гордыню... Остановитесь, пожалуйста, на этом пункте и со всем страхом разберите порядки жизни вашей. Есть ли в ней послушание и отречение от своей воли?» [Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника, 1994]. Перечисляя крутые приемы деятельной борьбы со страстями, первым из них святитель Феофан называет такой: «жить в послушании безропотном» [Святитель Феофан Затворник, 2003]. Не менее актуален для современного человека такой совет архипастыря: «Побеждать свои хотения, зная, что лучше им отказать, нежели их послушаться, есть Богу приятная жертва, за которую Он воздаст внутренним утешением» [Архимандрит Георгий (Тертышников), 2003].

Феноменология послушания в антропологическом контексте православия подчеркивает его христоцентрическую природу и глубокие онтологические корни. Властные ресурсы послушания прорисовываются через преодоление своеволия, внешнего подчинения, через христоцентризм духовного руководства и овладение инстанцией опыта как источника свободы и власти. Требуется более серьезное исследование вопроса о том, какова роль принципа послушания в духовной жизни современного человека. В таком поиске нельзя упускать из поля зрения ресурсы свободы и власти, выявленные в указанных пособиях – окормлениях в форме епистолярия, которые святитель Феофан советовал «держатъ особо, на виду, и почитывать». В этом жанре аскетического дискурса выявлены те черты послушания, которые ищет современный человек и которые нужны ему.

Список литературы

1. Архимандрит Георгий (Тертышников). 2003. Симфония по творениям святителя Феофана, Затворника Вышинского. В двух книгах. Кн.2. Рязань: 336 с.
2. Святитель Феофан Затворник. 2003. Страсти и борьба с ними. М., Данил. Благовестник, Моск. Данилов монастырь, 326 с.
3. Св. Тихон Задонский. 2003. Сокровище Духовное, от мира собираемое. Т.2. М., 918 с.
4. Схиархимандрит Иоанн Маслов. 2000. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. М., 748 с.

5. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. 1994. Собрание писем. Вып. 2. М., 205 с.
6. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. 1994. Собрание писем. Вып. 4. М., 162 с.
7. Франк С.Л. 1990. Непостижимое. Сочинения. М., 599 с.
8. Франк С.Л. 1992. Смысл жизни. Духовные основы Общества. М.: Республика: 511 с.

References

1. Arhimandrit Georgij (Tertyshnikov). 2003. Simfoniya po tvorenyam svyatitelya Feofana, Zatvornika Vyshinskogo [Symphony on the works of Saint Theophanous, the Hermit of Vyshinsky]. V dvuh knigah. Kn.2. Ryazan': 336 p.
2. Svyatitel' Feofan Zatvornik. 2003. Strasti i bor'ba s nimi [Passions and struggle against them]. М., Danil. Blagovestnik, Mosk. Danilov monastyr', 326 p.
3. Sv. Tihon Zadonskij. 2003. Sokrovishche Duhovnoe, ot mira sobiraemoe [Spiritual treasure, collected from the world]. Vol. 2. М., 918 p.
4. Skhiarhimandrit Ioann Maslov. 2000. Simfoniya po tvorenyam svyatitelya Tihona Zadonskogo [Symphony on the creations of Saint Tikhon Zadonsky]. М., 748 p.
5. Tvoreniya izhe vo svyatyh otca nashego Feofana Zatvornika. Sobranie pisem [Creations of Izhe in the holy of holies of our Father Theophanous the Hermit. 1994. Collection of letters]. 1994. Issue 2. М., 205 p.
6. Tvoreniya izhe vo svyatyh otca nashego Feofana Zatvornika. Sobranie pisem [Creations of Izhe in the holy of holies of our Father Theophanous the Hermit. 1994. Collection of letters]. 1994. Issue 4. М., 162 p.
7. Frank S.L. 1990. Nepostizhimoe. Sochineniya [The incomprehensible. Essays]. М., 599 p.
8. Frank S.L. Smysl zhizni. Duhovnye osnovy Obshchestva [Meaning of life. Spiritual foundations of the Society]. 1992. М., Respublika: 511 p.

Ссылка для цитирования статьи For citation

Ковалева М.В., Телегин А.А. 2019. Власть и послушание в христианской антропологии. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (4): 611–616. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-611-616

Meleshko E.D., Nazarov V.N. 2019. Effect of perindopril on the quality of life with comorbidity of obesity and coronary heart disease. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (4): 611–616 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-611-616